

автор гиперболизирует и одушевляет его свойства, включая тем самым Зинкин луг в живые отношения с героями романа: такая на нем от цветов пестрота, что «слабому глазу глядеть нестерпимо», а от цветочного дыхания «слабого может даже убить».

То обстоятельство, что леоновский образ функционирует в духовной сфере, позволяет писателю включать его во всю, и обычно весьма разветвленную, систему идейных связей в произведении. Создается общая атмосфера повышенного духовно-нравственного накала, столь характерная для книг Леонова.

Образы-символы несут в себе заряд особо дальнего действия, от них идейные нити протягиваются к судьбам каждого из героев произведения и ко всем наиболее значимым событиям, в нем происходящим. Так, в «Барсуках» теряет «нить жизни» Егор Брыкин, забывший «мать воровскую милую землю» («... исчезла выгода, а рубли, как в забытой сказке, бараньими орешками обернулись вдруг»¹⁶), терпят поражение те представители новой власти в деревне, которые далеки от понимания основ народной жизни. Когда в уездном совете рассудили многолетний спор двух деревень о Зинкином луге по-казенному слишком просто, остались недовольны даже крестьяне деревни Гусаки, в чью пользу решилось дело: «Да как же,— обиделся за весь мир Щерба.— Сто лет спорим, сколько голов пробили... А ты пришел да тят одним почерком пера. Умные люди, смотри-тка осудят...»¹⁷. И потому побеждает большевик Павел, что он стремится изнутри понять крестьянскую жизнь, шире — «процесс жизни», черпая душевные силы в чувстве единения с родимой землей (сцена встречи с братом Семеном в лесу у деревни, где прошло их детство).

С годами насыщенность леоновского образа авторским комментарием возрастает. Не теряя во внешнем рисунке конкретной временной и качественной прикрепленности, образ вбирает в себя все более идейно емкое и потому более общезначимое содержание авторской мысли. В сфере духовной жизни леоновского образа находит отражение процесс обогащения нравственного опыта писателя социальным, а затем и историческим аспектами.

Подход к предмету изображения с отчетливо социальной точки зрения определился в романе «Соть», имеющем принципиальное значение в развитии творчества писателя. Обращаясь к инженеру «спецу» Ренне, начальник Сотьстроя Потемкин говорит: «Вы заражены старыми российскими масштабами... Но, даже минуя огромные социальные смыслы, кто, кто из прежних русских буржуа мог бы затратить тридцать миллионов на целлюлозный комбинат?»¹⁸. Леонову открылись «огромные социальные смыслы», и он стремится теперь найти предмету изображения не вообще нравственный, но непременно социально-нравственный эквивалент. Духовное содержание образа становится как бы тождественным его социальной новизне.

Несколько видоизменяется и структура леоновского образа. Социальный акцент потребовал от авторской мысли более открытого выражения. Если раньше авторская оценка как бы поглощалась изобразительной стороной образа, то теперь она непосредственно следует из частной характерной детали. «...Высокий и темный дом Красильникова стоял на ней (сельской площади.— А. П.) сундуком, и в нем средоточилось все прошлое не только села, а, может быть, и всего уезда»¹⁹. «Какое у твоего Порфирия лицо темное... точно трупное пятно,— бросила Сузанна отцу...— Это потому, что он сам часть трупа...— Она не объяснила, что имела в виду уже обезглавленную империю...»²⁰. «С представлением о скудости и

¹⁶ Леонов Л. Барсуки, с. 110.

¹⁷ Там же, с. 127.

¹⁸ Леонид Леонов. Соть. М., Госиздат, 1931, с. 115.

¹⁹ Там же, с. 102.

²⁰ Там же, с. 67.